

«Между тем церковь непрестанно молилась о нем»
 «Oratio autem fiebat ab ecclesia sine intermissione pro eo»

1 августа 1455
ап. Петра в узах
Бриксен

1. «Между тем церковь непрестанно молилась о нём...»¹

Что требуется для молитвы о другом? Смотри у Ученика LXV². В каком смысле в чтении говорится о заточении и освобождении души-грешницы – у Иордана³.

ПРИМЕЧАНИЯ

2. Аристотель в XII книге «Метафизики», в четвёртой главе, где речь идёт о разных видах необходимого, говорит, что есть такое необходимое, которое

«не бывает иначе, но оно есть просто. От такого начала зависят как небо, так и природа. Жизнь у него наилучшая (нам случается испытать такую лишь на короткое время, тогда как оно обладает ею всегда, что для нас невозможно), потому что его акт есть также и наслаждение. По этой причине бодрствование, чувствование, понимание доставляют максимальное наслаждение, надежда и воспоминание – только вследствие их. Понимание как таковое есть [понимание] того, что само по себе лучше всего, максимальное же [понимание] есть [понимание] того, что максимально. Себя же самое понимание понимает по причастности к понимаемому: делается понимаемым, соприкасаясь и понимая, так что понимание и понимаемое становятся одним и тем же⁴. У интеллекта есть способность к принятию в себя понимаемого и сущности, однако акт его состоит в обладании [всем этим]. Поэтому божественным в том, что принадлежит интеллекту, представляется скорее это [обладание], чем то [восприимчивость], а созерцание есть то, что всего лучше и что максимально сладостно⁵. Если Богу всегда хорошо так, как нам иногда, то это [уже] удивительно; если же ещё лучше, то ещё удивительней; но именно так оно и есть! Кроме того, Он, разумеется, является жизнью: акт понимания – это жизнь, но Он и есть [такой] акт, и акт Его есть сама по

¹ Деян. 12, 5 (синод. «прилежно»); чтения праздника: Деян. 12, 1-11; Мф. 16, 13-19

² Иоганн Герольт («Ученик»), проп. LXV

³ Иордан из Кведлинбурга, первая проповедь на праздник ап. Петра в узах

⁴ вар.: «мысля [его], соприкасается [с ним] и [сам тем самым] делается мыслимым, так что [тогда] то же самое - мысль и мыслимое» («intelligibilis namque fit attingens et intelligens, ita ut idem intellectus et intelligibile sit»)

⁵ у НК: «quare quod videtur intellectus divinum habere, id magis quam hoc est», тогда как у Виссариона: « quod videtur intellectus divini habere». Следуя буквально варианту НК, имеем: «Поэтому тот интеллект, который представляется обладающим божественным, больше этого [нашего], и созерцание [его] – самое лучшее...» (примерно так и в немецком переводе НК).

себе жизнь наилучшая и нескончаемая. Итак, Богом мы называем наилучшее и вечное живое существо; тем самым Богу присущи жизнь и непрерывный вечный век. Это и есть Бог»⁶.

И ниже:

«Итак, из сказанного ясно, что есть некая вечная, неизменная и отделённая от чувственно воспринимаемых вещей сущность. Доказано и что этой сущности невозможно иметь какую бы то ни было величину; она поистине не имеет частей и неделима»⁷.

И в шестой главе⁸:

«Следовательно, если уж Он – наилучший, то Он понимает Сам Себя».

И ниже:

«Если понимать одно, а быть понимаемым – другое, то в силу чего [из двух] тогда Ему хорошо быть (имея в виду, что «быть» для понимания - не иное, чем «понимать»)?»⁹

И ниже:

«Поскольку в том, что не имеет материи, понимание и понятое сливаются, они следовательно суть одно и то же; понимание и понятое – одно».

3. Из вышеприведённого текста Аристотеля в недавнем переводе кардинала Никейского имеем: то необходимое, которое «не бывает иначе, но есть просто», есть начало и Бог. Я не думаю, однако, что Аристотель этими словами («то необходимое, которое не бывает иначе») хотел сказать что-то другое, чем что «не могущее быть иначе» (каковым является Бог) следует мыслить как то, что есть то, чем может быть¹⁰. Всё, что не есть абсолютная необходимость, может быть иначе, чем оно есть; и поэтому всё такое есть не благодаря себе, но зависит от начала. Далее, по Аристотелю, явствует, что «небо и природа» имеют Бога началом, от которого зависят. Отсюда явствует, что природа, как и небо, не есть Бог, но они суть орудия Божии, через которые Бог действует.

4. Далее он продолжает: «Жизнь у него наилучшая; нам случается испытать такую лишь на короткое время». Посвятившим себя созерцанию философам иногда случается быть восхищенным до такого видения, которое для них – предел наслаждения, самое лучшее. Однако происходит это тем же образом, каким глаз наш внезапно возносится к солнечному телу, на котором взгляд из-за крайнего переизбытка света задержаться неспособен. У Бога же «наилучшая жизнь всегда», что, однако, «для нас невозможно».

⁶ Аристотель, «Метафизика» XII, 7 1072b10-30 (НК цитирует в переводе Виссариона Никейского; счёт глав отличается от принятого теперь)

⁷ там же 1073a3-7

⁸ там же, гл. 9, 1074b33-34; 36-38; 1075a3-5

⁹ У НК стоит здесь «non est aliud» (и повторяется в §5 ниже), тогда как в первоисточнике «non est idem». Отсюда вариант: «Если понимать одно, а быть понимаемым – другое, то тогда в силу чего [из двух] (когда быть для понимания не одно и то же с самим пониманием) Ему хорошо быть?»

¹⁰ см.: «О равенстве» 23; «О начале» 2; «Теологические дополнения» 2

Затем сказано: «потому что его акт есть также и наслаждение». Действительность есть наслаждение, поэтому, собственно, Его бытие и есть акт.

«Бодрствование, чувствование, понимание доставляют максимальное наслаждение», поскольку они суть акт. Тем самым «надежда – в некоторых списках вместо «spes» стоит «species» - и воспоминания» суть наслаждения только «вследствие их», т.е. поскольку служат пониманию.

Дальше идёт: «Понимание как таковое есть понимание того, что само по себе лучше всего»: из того, что понимание есть максимально сладостный акт, ему «как таковому» соответствует то, «что само по себе лучше всего», а «в качестве максимального - понимание того, что максимально».

Затем сказано: «Себя же само понимание понимает по причастности к понимаемому», поскольку, как дальше говорится, «прикасаясь и понимая, понимание делается понимаемым, так что понимание и понимаемое становится одним и тем же».

5. Ещё отметить слова: «и созерцание [у него] – самое лучшее и максимально сладостное», и дальше продолжение о том, что Бог есть жизнь потому, что Он – понимание и акт, «и акт Его есть сама по себе жизнь наилучшая и нескончаемая».

Ещё отметить: из того, что Бог есть чистейшее понимание, следует, что «понимает Он Себя Самого». В Нём понимать значит быть понимаемым; в противном случае «в силу чего [из двух] Ему было бы хорошо?» Но поскольку Ему лучше всего, «для понимания быть – не что иное, как понимать». Таким образом, наилучшее понимание понимает себя само и тем самым изводит понимаемое из себя, причём это понимаемое не отличается от самого понимания.

6. Но из наилучшего понимания, изводящего из себя понимаемое, и из самого изведённого понимаемого возникает сладостнейший акт понимания, и тогда имеет место покой и мир, связь, любовь и единение. И мы, христиане, называем Бога триединым в том же самом смысле. «Отцом» называем понимание, «Сыном» (Которого Павел зовёт «сиянием и образом сущности Отца»¹¹) – понимаемое, «Духом Святым» - сладостнейший исходящий от понимания и понимаемого акт. И не так, что иное – понимание, иное - понимаемое и иное – исходящий от обоих акт, но Бог есть понимание, Тот же Бог есть понимаемое и Тот же есть акт. Однако Бог понимающий не есть Бог понимаемый, а Бог-понимание, т.е. исходящий от Обоих акт, не есть ни Бог понимающий, ни Бог понимаемый; это различные отношения в Боге. То есть в единстве сущности и в тождестве субстанции присутствуют эти соотношения.

7. Аристотель в X книге «Этики»:

¹¹ Евр. 1, 3

«Телесными утешами может наслаждаться всякий, любой подонок не меньше лучшего из людей; однако никто не станет приписывать подонку счастье, но одну только жизнь. Ибо счастье состоит не в такого рода удовольствиях, но, как сказано выше, в деятельности сообразно добродетели. А поскольку счастье - деятельность сообразно добродетели, то логично ей быть сообразной наилучшей [из добродетелей], каковая, несомненно, относится к наилучшему [в нас]. Следовательно, будь оно [т.е. это наилучшее] умом или что-то другим, в чём видят естественного повелителя и вождя, имеющего попечение и думу о делах чести и божества, будь оно самим божеством или только наиболее божественным из того, что есть в нас - его действие сообразно собственной добродетели будет, вне всякого сомнения, совершенным счастьем. А что деятельность эта созерцательная, уже было сказано». «Ибо эта деятельность – наилучшая»¹².

Отметь у Аристотеля в X книге «Этики»:

«Из всех деятельностей максимальное наслаждение приносит, по всеобщему согласию, та, что осуществляется мудростью. В мудрости усматривают наслаждения удивительные по достоверности и чистоте, и логично, что удовольствия у знающих больше, чем у ищущих».

И ниже:

«Мудрец способен к созерцанию сам по себе, и чем он мудрее, тем более. Возможно, с помощниками у него получится лучше, однако всё равно он полностью самодостаточен. Кроме того, [эта деятельность], по-видимому, единственная, которую любят ради неё самой, от неё ведь не проистекает никакой производимой созерцанием [пользы]».

Таковы его слова.

8. Сказанное можно без натяжки толковать сообразно содержанию христианской религии. В то, что счастье состоит в созерцании, или видении, Премудрости, которая есть Бог, мы верим по учению Христа. Мы из собственного опыта знаем, сколь велико удовольствие поймать добычу на охоте, ведь охоту мы ведём по собственному уму. Когда это происходящее из нашего промысла действие достигает цели, успокоение приносит ей чрезвычайное удовольствие. То же самое в математике: увидев, что достигли непогрешимой достоверности (например когда с предельной достоверностью видим несоизмеримость диагонали и стороны), мы приходим в удивительную радость [тем более сильную], чем дальше эта достоверность от нас отстояла, чем более редкостным и трудным было её отыскание («всё редкое нам мило»¹³). Разумная природа всеми силами стремится избавиться от сомнения и оказаться в достоверности. Поэтому прекрасно сказано у Аристотеля, что «в мудрости наслаждение в силу

¹² здесь и ниже: Аристотель, «Никомахова этика» X, 6-7 1177 а6-21; а23-27; а32-б2

¹³ «omne rarum carum» - поговорка встречается у НК не раз (например: CCLXII, 21)

достоверности и чистоты». Чистая достоверность, свободная от всякой примеси погрешности *сокрыта она от очей всех*¹⁴ мудрецов; её не найти нигде, кроме как в вечной Премудрости. Так что принести покой понимающей природе не может ничего, кроме абсолютной истины, когда она добыта.

9. Обрати внимание на слова: «и логично, что удовольствия у знающих больше, чем у ищущих». В поиске истины удовольствие то же, что и в охоте; однако в знании искомого, подобном обладанию, удовольствия больше. А если подумаешь, что Премудрость - *подвижнейшее из всего подвижного*¹⁵ - с максимальной скоростью опережает всех стремящихся её уловить, словно предшествующая своему следу истина (истина ведь прежде своего следа), и что охоты за сокрытой истиной не бывает иначе, как по следу (так оленя, которого не видно, отыскивают по следу), то следовательно Её не схватить, пока Она Сама не захочет, и нужно, чтобы Она захотела быть схваченной; следовательно, чтобы схватить Ту, Кого никакой силой или тварной мощью схватить невозможно, необходима любовь (amor). Стало быть, Премудрости не уловить, пока Она Сама, склонённая любовью, не перенесёт Себя в души ищущих, чтобы те Её схватили. Сама ведь сказала: *«любящих Меня Я люблю»*¹⁶. Этот способ не был известен никому из охотников-философов, и только Христос открыл его нам, научив, что если охотник станет преследовать Её с верой, действующей через любовь, то тогда найдёт благосклонность (gratiam) в Её очах и Она даст ввести Себя к нему в дом.

¹⁴ Иов 28, 21

¹⁵ Прем. 7, 24

¹⁶ Притч. 8, 17